

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.С. УВАРОВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», (г. Тверь)

Рассматриваются социально-политические взгляды одного из представителей российской консервативной мысли, министра образования России (1833–1849) С.С. Уварова. В ходе анализа выявляет элементы модернизации в концепции общественного развития и «теории официальной народности». Приходит к выводу, что С.С. Уваров являлся сторонником не институциональной, а культурной модернизации.

Ключевые слова: общественно-политическая мысль, консерватизм, теория «официальной народности», модернизация.

Игнорировать творчество С.С. Уварова (1786–1855) в рамках анализа российской социально-философской мысли невозможно. Он вошёл в историю как яркий представитель консерватизма [13, с. 529–534], автор известной триады «Православие. Самодержавие. Народность», названной отечественным критиком общественно-политической мысли А.Н. Пыпиным «теорией официальной народности» [9, с. 93–95, 107] и служащей формулой русской культуры [3, с. 142–149].

Фигура С.С. Уварова и его взгляды оценивалась весьма противоречиво как его современниками, так и потомками. В. Хотеев и В. Чернета отмечают, что одни считали Уварова «ярким защитником устоев самодержавия; другие видели в нём политика с ультралиберальными взглядами; одни называли его фанфароном и карьеристом; другие – радетелем российской самобытности, патриотом, для которого просвещение народа являлось смыслом всей его жизни» [18, с. 146].

Российская исследовательница Л.М. Исамбаева пишет, что Уваров относится к тем личностям в истории, «которые, будучи чрезвычайно неприглядными с точки зрения морали, отбивают всякое желание рассматривать их деятельность беспристрастно» [8, с. 24]. Негативные оценки персоне графа давали государственный деятель М.М. Сперанский, поэт А.С. Пушкин, либерал Б.Н. Чичерин и др. В частности, известный российский историк С.М. Соловьев дал следующую характеристику Уварову: «Он проповедовал православие – будучи безбожником... самодержавие – будучи либералом, народность – не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги...» [10, с. 268]. С другой стороны, отечественный философ Г.Г. Шпет писал о нём как о «Дон-Кихоте отживавшей правительственной интеллигенции» [20, с. 465]. Его деятельность на посту министра образования, по свидетельству исследователя М.Ф. Хартановича, принесла

«немало полезного для научного сообщества России» [17, с. 1117], а учёный Э.Д. Фролов называл его «утонченным ценителем культуры» и считал, что этот «государственный деятель... расширил и упорядочил российскую систему образования» [16, с. 275].

Биография С.С. Уварова мало чем отличалась от жизненной траектории других представителей российского дворянства. Отец Уварова происходил из бедного дворянского рода и служил одним из адъютантов кн. Потёмкина, мать Уварова принадлежала к древнему роду Головиных [19, с. 57–58]. Сергей Семёнович воспитывался с двух лет в доме князей Куракиных, родни по материнской линии, где его наставником стал бежавший от французской революции аббат Манген. Исследователи жизни и творчества Уварова отмечают важность данного факта, считая, что именно гувернёр привил воспитаннику идеализированное представление о правящем сословии Старого света и очевидное желание превратиться из русского «служилого по отечеству» в европейского аристократа [6, с. 46]. В своих воспоминаниях о князе де Лине он пишет, что «будучи еще молодым», он был «страстно влюбленным в то, что называлось старым режимом» [14, с. 334–335]. Среди знаменательных вех его биографии, тесно связанных с эволюцией его общественно-политических взглядов, отметим следующие: в 1805 г. Уваров приступил к служению на дипломатическом поприще в Европе; по возвращении в Россию в 1811–1822 гг. он являлся попечителем Петербургского учебного округа; в 1832 г. Уваров занял пост товарища (заместителя) министра просвещения; наконец, вершина его карьеры приходится на 1833–1849 гг., когда Сергей Семенович пребывал в должности министра народного просвещения.

Уже в молодые годы Уваров создает свои первые научные труды – «Исследование об Элевсинских мистериях», «Общий взгляд на философию словесности», «Проект Азиатской Академии» и др., которые получили высокую оценку современников-специалистов [12, с. 599–603]. Активное участие Уварова в литературном кружке «Арзамасское общество безвестных людей» [1, с. 14, 31–33, 307–311], объединивших сторонников языковой реформы Н.М. Карамзина против ретроградного объединения «Беседа любителей русского слова», возглавляемого адмиралом А.С. Шишковым, оттачивало стиль будущего министра образования и придавало его работам не только научную, но и художественную ценность. При этом ряд исследователей справедливо отмечают, что Уваров не оставил сколько-нибудь развёрнутого изложения собственной политической философии [7, с. 71–104]. Видимо, потенциал ученого растворился в его административной деятельности, в составлении им ежегодных отчетов для императора по состоянию дел в министерстве народного просвещения. Но даже на высоком государственном посту Уваров разрабатывал социально-политические концепты, имеющие и эвристическое, и идеолого-практическое значение.

Собственно общественно-политическим взглядам Уварова в целом и отдельным его идеям в частности посвящено значительное количество работ. В данной статье будут рассмотрены только те идеи известного российского министра, в которых прослеживаются аспекты политической модернизации России.

Большинство исследователей характеризуют позицию Уварова как либерально-консервативную. Российская исследовательница Л.М. Исамбаева считает, что, если в молодые годы чиновник придерживался либерального мировоззрения, то в зрелом возрасте произошло значительное поправение его взглядов и переход на консервативные позиции [8, с. 24]. Основанием считать Уварова либералом стала его «Речь президента императорской академии наук, попечителя СП учебного округа, в торжественном собрании главного педагогического института 22 марта 1818 года» (далее – «Речь») о свободе. Однако, как справедливо пишет один из исследователей творчества С.С. Уварова М.М. Шевченко, либерализм его был в пределах Александра I [19, с. 70], т. е. в рамках правительственного курса, и который использовал свою либеральную репутацию обдуманно и последовательно, в конечном счете в интересах самодержавия. Н.А. Зверева в социально-политической концепции Уварова выделяет 4 консервативных начала: традицию, историю, сильное централизованное государство, истинное просвещение, но отмечает, что он использует либеральные методы при решении конкретных задач [6, с. 54]. А.Л. Зорин относит его к просвещенным консерваторам, при этом связывая уваровское мировоззрение с историческим мистицизмом [7, с. 82]. Российская исследовательница М.И. Дегтярёва относит Уварова к правому лагерю, но отмечает его политическую умеренность [4, с. 107]. Отечественный учёный С.Н. Дурылин пришел к выводу, что по своим воззрениям С.С. Уваров был сторонником просвещённого абсолютизма, «либеральствующим монархистом» [5, с. 225–263].

На мой взгляд, позицию Уварова можно охарактеризовать как аристократический консерватизм с незначительными элементами либеральных свобод для элиты, которые позволяют ей в большей степени считать себя не подданными, а гражданами своей страны. Будучи консерватором, Уваров осудил французскую революцию, стремился сохранить сословные границы, в том числе и в подведомственной ему системе образования, отказывал массам в праве на участие в политике и пр.

Французская революция стала для Уварова, как и для большинства его современников, демаркационной линией, разделяющей исторический процесс на старый и новый. Уваров констатирует, что «в большей части Европы эпоха аристократического правления, кажется, закончилась» и «для Европы началась эпоха, которую один остроумный писатель назвал эпохой без имени» [14, с. 324]. Французская революция, которую Уваров называет «кровопролитием, совершаемым именем

человеческого разума», формирует в нём консервативную установку «защищать свои огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание» [там же, с. 79]. Будучи апологетом самодержавия, Уваров в принципе отрицает возможность революционных переворотов, считая, что «если к несчастью для человечества на трон восходит государь, находящийся во власти неумеренных амбиций, то это означает болезнь политического тела, единственным средством от которой являются время и терпение (курсив мой. – Н.К.)» [там же, с. 168]. Поэтому Уваров признает только эволюционный путь общественного развития, указывая, что политическая свобода как последний и прекраснейший дар Бога «приобретается медленно, сохраняется неусыпной твердостью» и сопряжена с большими жертвами, с большими утратами [там же, с. 267]. В идеализации дореволюционной Франции Уваров сохранил приверженность уходящей эпохе, об утрате которой он пишет с большим сожалением и которую пытается запечатлеть в моделях аристократичной маскулинности и феминности.

В то же время, с точки зрения Уварова, Французская революция открыла всю слабость прежней системы европейских государств, что привело, по словам Н.А. Зверевой, к смещению у будущего министра «ценностей от культурно-нравственной утопии к историко-политической модернизации общественных отношений» [6, с. 16]. Культурное и нравственное разорение Европы в ходе Французской революции породило в Уварове первые ростки разочарования европейской культурой, которое было усилено во время его путешествия по Италии и Австрии. Странствуя по Апеннинскому полуострову, Уваров пишет, что в Неаполе «образованных людей мало», а «неаполитанский народ похож на полудиках» [14, с. 59, 62]. Особенно жёстко будущий российский министр высказывается относительно культуры высшего света Вены [5, с. 226].

На тот момент в свои молодые годы Уваров ещё не находит в отечественной культуре сил, которые обеспечивали бы самобытное развитие российской цивилизации, и неприемлемость западного пути развития приводит его к переориентации на Восток. В 1810 г. он пишет «Проект Азиатской академии», посвящая его жителям Востока, обезображенным «варварскими современными учреждениями», но сохраняющим некоторые черты своего древнего облика [14, с. 67].

В этом носящем геополитический характер труде Уваров рассматривает исторический процесс с антипрогрессистских позиций как выражение мирового декаданса – постепенного удаления от состояния первозданного совершенства [14, с. 106-107]. Признавая Восток «колыбелью мировой цивилизации», «первым хранителем первоначального просвещения», «родиной философии», Уваров выступает против «французских писателей XVIII в., опозоривших прекрасное имя “философов” созданием теории естественного, дикого состояния человечества

и критикой “софизмами своей жалкой диалектики” Священного писания» [там же, с. 71]. «Золотой век... этот ранний период характеризовался знанием первоначальных понятий, дарованных Богом вместе с речью... Эти первоначальные истины ... стирались по мере того, как человек портился», – пишет Уваров [там же, с. 65]. Развивая далее данную мысль в «Исследовании об Элевсинских мистериях» (1812 г.), Уваров пишет, что «естественное состояние не могло быть ни диким, ни поврежденным состоянием. Это состояние простое, лучшее, близкое к Божеству. Дикость и поврежденность были уже следствием падения человека... Отсюда – обратный ход нравственного мира, противоположный постепенно возрастающей силе человеческого ума; этим также объясняется настоящее положение дел, при котором человеческая мудрость есть только простое созерцание, воспоминание прошедшего, а добродетель – возвращение к Богу» [там же, с. 112]. В «Речи» Уваров указывает, что «история... принимает свое начало на равнинах Азии под сенью патриархов в мирном кругу семейственной жизни. Святая простота нравов, под влиянием которых власть отца представляла власть монарха, а человек и гражданин были ещё неразлучны в одном лице» [там же, с. 261]. Патриархально-патриархатный идеал социального устройства, при котором «власть для сильных, рабство для остальной части народа... женщина – орудие наслаждения или воспроизводительности», явно привлекает Уварова [там же, с. 328].

В «Речи» Уваров более развёрнуто излагает свои взгляды на исторический процесс, представляя его как смену четырёх фаз: «Государства имеют свои эпохи возрождения, своё младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, дряхлость» [там же, с. 271]. Характеризуя этапы развития общества, автор сравнивает современную Европу с изнеможенным старцем, а Россию – с бодрым и цветущим юношей [там же, с. 212]. Показывая потенциал настоящего и будущего своей страны, Уваров задаётся вопросом: «Каким образом сей народ, младший сын в многочисленном европейском семействе, в течении одного столетия превзошёл своих братьев... и стремиться похитить у других и лавр воинской славы и пальму гражданской доблести?» [там же, с. 270]. Мыслитель продолжает: «Поскольку переход из одного возраста в другой неотвратим по законам Провидения, постольку желание продлить один из сих возрастов далее времени, назначенного природой, столь же суетно и безрассудно, как и желание заключить возмущающего юношу в тесные пределы младенческой колыбели» [там же, с. 271]. Причиной же старости общества, финал жизни «является вырождение духа в социальном теле» [там же, с. 187]. Отсюда – особое внимание Уварова не к социально-политическим институтам, а к народному духу, культуре, образованию.

Попытки обосновать ценность и неповторимость российской цивилизации привели Уварова в начале 1830-х гг. к созданию «теории офици-

альной народности». И несмотря на то, что элементы триады содержатся в работах другого министра образования А.К. Шишкова, тем не менее именно в формулировке Уварова она обрела свой законченный смысл.

Основными составляющими российскую цивилизацию компонентами, по Уварову, выступают «три кита» – православие, самодержавие и народность. Под влиянием Н.М. Карамзина, который задал исключительно высокий статус государства в политическом сознании россиян, Уваров поставил самодержавие на центральное место в триаде. М.И. Дегтярёва связывает обращение к монархии как ведущей политической ценности в триаде Уварова с потребностью защиты её как политического феномена [4, с. 110–112]. Так же, как и Карамзин, Уваров придерживается мнения, что в отличие от западного российское государство может иметь только одну форму – самодержавие, таким образом сливая воедино форму и сущность государства. Как показали оба консерватора, любое изменение форм российского государства ведёт к его разрушению, и потому Россия не способна идти по пути институциональной модернизации. Отвергая парламентаризм, партийность и прочие элементы либеральной политической модернизации, Уваров рассматривает монархов как «орудия Высочайшей воли, единственно пекущейся о благе общем» [14, с. 312]. Н.А. Зверева характеризует данную позицию Уварова как патернализм, при котором государь по мере движения общества к истинному просвещению берёт на себя бремя забот о своих подданных, обеспечивая тем самым моральный и материальный прогресс своей страны [6]. В сочинениях будущий министр допускает элементы сакрализации персоны монархов, ссылаясь на роль Провидения [14, с. 271].

Провиденциализм в целом играет важную роль в мировоззрении Уварова, позволяет ему спорить с представителями теории общественного договора о том, что «естественное состояние не могло быть ни диким, ни поврежденным состоянием. Это состояние простое, лучшее, близкое к Божеству. Дикость и поврежденность были уже следствием падения человека... Отсюда – обратный ход нравственного мира, противоположный постепенно возрастающей силе человеческого ума» [там же, с. 112].

Рассуждая о новом блеске благополучного царствования «возлюбленного монарха и новой прочности существующего порядка», Уваров показывает, что в «краеугольном начале оно, для нас, для русских, источник всех тех умственных сил, служащих не разрушению, не к беспорядку, не к вольнодумству политическому и религиозному, а созидаанию и утверждению отечественного блага на незыблемом подножии самодержавия твердого, просвещенного, человеколюбивого (курсив мой. – Н.К.)» [там же, с. 313]. Уваров не принимал деспотизм и беззаконие, полагая, что российское самодержавие уже по своей природе ограничено моральными и религиозными принципами. Считая представительство интересов определенных социальных групп коллективным

эгоизмом, который разрушает целостность общества, Уваров утверждает самодержавный тип власти как лишенное идеологических характеристик явление. В роли единой идеологии, выражающей духовную сущность русской культуры, по мысли Уварова, выступает национальная религия – православие.

Народность как последняя категория триады является одним из самых сложных и туманных концептов и рассматривается исследователями наследия Уварова в двух аспектах: как демос и как этнос. Ю. Соловьев считает, что понимание «народности» в системе Уварова достаточно затруднено – прежде всего потому, что слово это ввиду своей обыденности и популярности в годы молодости министра не нуждалось в объяснении, а позднее славянофилы и Вл. Соловьёв, наконец, Г.Г. Шпет чрезвычайно запутали вопрос, пытаясь вывести из «народности» отвлечённое философское понятие, но игнорируя его исторический смысл [11]. С точки зрения Ю. Соловьева, народность в концепции Уварова – это синоним равноправия исторического народа в среде других таких же, а формула приобретает образ суммы, в которой народность русскую составляют слитые воедино православие и самодержавие [11]. Н.А. Зверева следующим образом характеризует народность: «Народовластие – это правление ради народа, осуществляемое монархом и высшим сословием, а не власть народа» [6, с. 78].

На мой взгляд, смысл, который Уваров вкладывал в понятие «народности», не соответствовал актуализированному западному общественному дискурсу концепту нации как выражения политического единства народа/страны: он имел в виду народность не как политическую нацию, а как самобытное социокультурное образование. Народность мыслится Уварову как единый, нерасчленённый на отдельные составляющие группы, деполитизированный социум. На мой взгляд, концепцию самодержавия Уварова условно можно считать представительной: монарх представляет интересы народа напрямую, без посредников. «Монархи как истинные представители всех народов, личные дела которых и есть дела народов», – пишет Уваров [14, с. 202]. Единственная политическая идея в сознании народа – это ценность самодержавия, которое монополизировало политическое и представляет интересы всего народа, интегрируя его на базе православных ценностей. А. Зорин пишет по этому поводу: «Категория национальность в Европе для легитимации нового порядка, а в России для консервации старого, не для разрушения самодержавия и православия» [7, с. 86].

Таким образом, набор оперируемых Уваровым идей складывается в единую картину. В триаде отразилось видение Уваровым основных принципов российской цивилизации: сильная государственная власть, национальная религия, которая, с одной стороны, освящает эту власть, а с другой – составляет ядро третьего концепта – народности, т. е. культурной самобытности России.

Полагая институциональную модернизацию в России невозможной, отрицая вероятность выдвигать требования монарху, Уваров акцентирует внимание не на права, а на обязанности подданных, советует им «более любить своё отечество, свою веру, своего государя» [14, с. 271] и утверждает, что «должны мы не только ожидать благотворных мер со стороны правительства, но ещё сами обязаны всеми силами содействовать оному» [там же, с. 293]. Такая позиция Уварова открывает путь культурной модернизации – просвещенного абсолютизма, в котором фундаментальную роль играет «истинное просвещение». С точки зрения министра, истинное просвещение представляет собой «не что иное, как точное познание наших прав и обязанностей, то есть обязанностей и прав человека и гражданина – истинное просвещение ожидает от вас, юные питомцы, подвига жизни и жертвы всех душевных сил» [там же, с. 261].

Рассматривая роль знания в истории, Уваров осуждает в древнем Египте его узурпацию жрецами, теократией с целью «поработить простой народ» [там же, с. 109] и противопоставляет восточной деспотии практику публичного обсуждения в присутствии народа греческими философами великих нравственных вопросов [там же, с. 118]. Истинное образование для министра предполагало неразрывную связь с воспитанием. «Университетское образование имеет две разные стороны: одну – собственно учёную и учебную, другую – моральную и, так сказать, политическую» [там же, с. 296]. Основной груз моральной составляющей образования Уваров возложил на историю, полагая, что «обширность и важность сей науки каждого гражданина вела к лучшему познанию прав и должностей своих», а потому «книга по истории... должна быть написана в кратком духе религии и благонравия» [там же, с. 212].

Разрыв между образованием и воспитанием С.С. Уваров осуждает прежде всего за то, что возникающие чистые науки, такие, как народонаселение, рассматривают человека односторонне: «Человек, составленный из двух противоположных начал, человек – истинный представитель и отпечаток общества, едва ли может весь подлежать одному закону, одному истолкованию... Смотреть на него как на математическую единицу недостаточно – есть половина чувственная умственная расстраивает лучшие расчёты и улетает из под ножа политических прозекторов» [там же, с. 288].

Уваров признавал ценность и необходимость европейского образования, но при условии существования «Русской системы», которая согласна «с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом». Поэтому, с точки зрения министра, необходимо быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию, и соединить вместе незыблемое чувство верноподданного с познаниями высшими, с просвещением, принадлежащим всем народам и века [там же, с. 300].

Главным условием обеспечения данного состояния Уваров считал переориентацию российской системы образования к отечественным предметам, умножение «умственных плотин», что усмиряло бы «бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии» и служило бы «некоторой опорой против так называемых европейских идей, грозящих нам опасностью» [там же, с. 301–303, 305].

А. Зорин пишет, что Уваров был одашевлен исключительно амбициозным проектом постепенного изменения через институты народного просвещения умонастроений большинства подданных империи и, в сущности, собирався таким образом, формиовать будущее России. Российский исследователь С.В. Удалов высказывает мнение, что Уваров в поисках компромисса в отношениях между властью и обществом, стремился не навязывать, а по возможности внушать идеи, угодные правительству, склоняя общество на свою сторону (хотя и не обходясь при этом без определенных ограничительных мер, в частности цензуры) [15]. С точки зрения С.В. Удалова, не усиление репрессивных мер (так называемые «умственные плотины») министр считал главной задачей правительства в области просвещения, а проведение в первую очередь политики убеждения и воспитания, основанного на вере в «истинно русские охранительные начала» [15]. Именно поэтому, по мнению Э.Д. Фролова, будучи министром, Уваров усилил консервативный барьер проникновению западных идей в Россию в лице усиленного классического образования. Медленное и постепенное движение России вперед благодаря развитию Просвещения давало возможность Уварову видеть будущее отечества в радужной перспективе, которую Ц. Виттекер обозначила как «исторический оптимизм» Уварова [2, с. 14].

Итак, осознавая возможность реального конфликта между властью и народом на примере Французской революции, Уваров сфокусировался на решении данной проблемы, предлагая строить российскую политику на принципах православия, самодержавия и народности. Центральной опорой социума он полагает самодержавие, которое, не имея конституционных рамок для реализации своей власти, в то же время ограничено верой и народными традициями и носит патриархальный характер. Связь политики и культуры – центральная идея в социально-политической концепции Уварова. Не признавая институциональную модернизацию, он видит путь прогресса России в области просвещения, в развитии самобытных начал отечественной культуры.

Список литературы

1. Арзамас: в 2 кн. М., 1994. Кн. 1.
2. Виттекер Ц. Граф Сергей Семёнович Уваров и его время. СПб., 1999.

3. Гулыга А. Формула русской культуры // Наш современник. 1992. №4. С. 142–149.
4. Дегтярёва М.И. «Лучше быть якобинцем, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семёнович Уваров // Вопросы философии. 2006. №7. С. 105–112.
5. Дурьлин С.Н. Госпожа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 225–263.
6. Зверева Н.А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.
7. Зорин А. Идеология «православия–самодержавия–народности»: опыт реконструкции // Новое литературное наследство (НЛО). 1997. № 26. С. 71–104.
8. Исамбаева Л.М. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова в 1810-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1990. №6. С. 24–35.
9. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб., 1906.
10. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
11. Соловьев Ю. Трилистник империи (русская идея графа Сергея Семёновича Уварова).
url:<http://www.metakultura.ru/vgora/metaist/solov.htm>
12. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
13. Уваров С.С. // Русский консерватизм сер. XVIII в. – начала XX в. М., 2010. С. 529–534.
14. Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
15. Удалов С.В. Теория официальной народности: механизмы внедрения. url:<http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/08.pdf>
16. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории академий мира // К 275-летию Академии наук: Материалы международной конференции. СПб., 1999, Т. 2. С. 275–285.
17. Хартанович М.Ф. Николай I и граф С.С. Уваров – реформаторы Академии наук // Вестн. РАН. Декабрь 1995. Т.65, № 12. С. 1117–1125.
18. Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. №1. С. 146–158.
19. Шевченко М.М. Конец одного величия власть: образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003.
20. Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991.

S.S. OUVAROV'S SOCIAL AND POLITICAL VIEWS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION THEORY

N.N. Kozlova

Tver State University (Tver)

The social and political views of S.S. Ouvarov, one of the leading representatives of the Russian conservative thought, the education minister of Russia (1833–1849), are studied within the article's format. In the context of the analysis, the elements of modernization in the social development and "official nationality" theories offered by this author are revealed. The author comes to the conclusion that S.S. Ouvarov supported not the institutional, but cultural modernization theory.

Key words: *social and political thought, conservatism, "official nationality" theory, modernization.*

Об авторе

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: n_s@pochta.ru